

Б. ФЛИВБЕРГ

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ВЛАСТЬ: ЕЩЕ РАЗ О КЕЙС-СТАДИ

ФЛИВБЕРГ Бент – профессор Альборгского университета, Дания.

Мелочи демократии - карантин против древней заразы, - жажды власти: как таковые они очень нужны и очень скучны

Фр. Ницше

Узнав, что мои статьи о кейс-стади вызвали интерес читателей «Социологических исследований», я решил обратиться к урокам, которые когда-то извлек из упомянутого мною исследования проблем городской политики и планирования в датском городе Альборге. Я писал (См.: Социол. исслед., 2004, № 9; 2005, № 4): «После университета я знал модель «экономического человека», знал о конкуренции, свободных рынках. Вникнув в происходившее здесь за закрытыми дверями, я обнаружил, что «экономического человека» в городе нет. Местное бизнес-сообщество вместе с политиками и управленцами активно искало пути, как блокировать конкуренцию и свободу рынка, создавая себе привилегии. Что касается датской демократической модели представительной демократии, город Альборг демонстрировал крайне недемократичный, полу-институционализированный способ принятия решений. Лидеры бизнеса и городского правительства, создав тайный совет, фактически подменили

демократически избранный совет города, принимая решения по развитию города. С тех пор я верю в преимущества метода кейс-стади» (Социол. исслед., 2004 , № 9, с. 15). Этим дело не ограничилось. Полученный материал позволил сделать и другие выводы, излагаемые ниже.

Альборгское исследование можно считать метафорой современной политики, современного управления и планирования, самбй современности. Основные идеи исследования были масштабны, стройны и новы. Они основывались на аргументах о рациональности и демократии. В ходе реализации, однако, мы столкнулись с реальными играми макиавеллевых государей, ницшеанской волей к власти, рациональностью-как-рационализацией (автор употребляет понятие *рационализация* в смысле реализации рациональности человека – прим. переводчика) по Фуко. Произошла фрагментация проекта на множество несвязных под-проектов, многие из них не планировались, были неожиданными и дали недемократические результаты. Плановики, управленцы, политики считали, что победит их твердая вера в рациональность. Они ошиблись. Альборгский проект, задуманный для перестройки и демократизации городской среды, трансформировался под влиянием власти (автор употребляет английское *power*, означающее и власть, и силу – прим. переводчика) в деградацию среды, в социальные трудности. Институты, якобы представлявшие «общественный интерес», оказались глубоко встроены в тайные механизмы власти, в особые интересы. Такова история модерна и демократии на практике, повторявшаяся слишком часто, чтобы успокоить демократов.

Проблемы проекта не были следствием того, что Альборг особо страдал от коррупции в политике, от некомпетентности планирования и управления. Изучающие политику это знают. Литература по политологии полна примеров неудачной политики, плохого управления, дисбаланса планов. В более общем смысле этот «кейс» подтвердил наблюдение Ч. Тэйлора: центральные положения Просвещения нужно рассматривать, прежде всего, как цели и надежды, но не как реальность [1].

Знаменитое «Знание - сила» Френсиса Бекона формулирует одну из фундаментальных идей модерна и Просвещения: чем больше рациональности, тем лучше. Альборгский проект вполне подтвердил эту формулу. Однако он также показал, что власть и знание неотделимы друг от друга, как это и имел в виду Бэкон. И даже в терминах Бэкона альборгский проект показал, что отношения знания и власти взаимны. Не только знание – сила, но и, что важнее, сила – знание. Сила (власть) определяет, что считать знанием, какой интерпретации власть придаст доминирующую силу. Власть обеспечивает себе знание, сообразное ее целям, но она игнорирует или скрывает знание, ей не служащее. Более того, *отношения* знания и власти (силы) имеют решающее значение для понимания процессов, влияющих на динамику политики, управления, планирования. Существует древняя традиция: от Фукидида и Макиавелли до Ницше и Фуко – добывать такое понимание. Кейс Альборга выполнялся в рамках этой традиции, в выводах мы придерживались ее. То есть, основной вопрос, подлежащий выяснению, таков: «Какие базовые отношения рациональности и власти сформировали проект и привели его к дисбалансу, фрагментации и безрезультатности?» [2].

Ответ на него я свел к десяти положениям о рациональности и власти. Эти положения позволяют выстроить «обоснованную теорию» (grounded theory), теорию, построенную индуктивно на конкретной феноменологии. Хотя положения Альборгского кейса не претендуют на роль генерализирующей теории, они могут принести пользу другим исследователями рациональности и власти. Эти десять положений могут служить проверке, уточнению и развитию классических формул власти, знания, рациональности, - Бэкона, Макиавелли, Канта, Ницше, а в наше время М. Фуко, Ю. Хабермаса, Р. Рорти и др. Изложение этих десяти положений начинается с освещения рациональности власти, переходя к описанию власти (силы) рациональности.

1. *Власть определяет реальность.* Власть занимается скорее определением реальности, нежели раскрытием «реальной» реальности. Это

самая важная характеристика рациональности власти, стратегии и тактики власти по отношению к рациональности. Определить реальность путем определения рациональности - основное средство осуществления власти. Это не значит, что власть ищет рациональность и знание, видя в них силу. Скорее, власть определяет, что считать рациональностью и знанием и, тем самым, – что считать реальностью. Данные по Альборгу подтверждают вывод Ницше: интерпретация - не только комментарий, как часто считают ученые, «интерпретация - сама средство превращения в хозяина чего-либо», в моем случае – в хозяина Альборгского проекта. А уж «подавление остальных и превращение в хозяина связано с новой интерпретацией» [3]. Но власть не только утверждает конкретные интерпретации, взгляд на реальность, - она также использует власть, чтобы придать данной реальности авторитет. Скорее, власть определяет и создает конкретные физические, экономические, экологические и социальные реальности.

2. Рациональность зависит от контекста: контекст рациональности - это власть, а власть смазывает разделительную линию между рациональностью и рационализацией (процессом определения рационального).

Философия и наука часто мыслят рациональность независимо от контекста, например, как универсальные философские, этические или научные императивы. Современный пример - «теория коммуникативной рациональности» и «этика дискурса» Хабермаса. Если следовать его императивам, результатом будет, как полагают, рациональные и приемлемые для всех действия. Исследование в Альборге показало, что рационально то, к чему прибегает власть. Рациональность зависима от контекста, а этот контекст часто бывает властью. Рациональность пронизана властью. Бессмысленно и ошибочно представлять – все равно, в политике, управлении или исследованиях – рациональность без власти. Это относится и к сущностной, и к коммуникативной рациональности (кредо Ю. Хабермаса – *прим. переводчика*). Коммуникации, как правило, присущи нерациональная

риторика и проталкивание интересов, а не свобода от доминирования и поиск консенсуса. В риторике «валидность» и последствия коммуникации устанавливаются способом коммуникации, как, например, красноречие, скрытый контроль, рационализация, харизма, использование отношений зависимости между участниками, - а не путем рациональных интересов в конкретных делах. Хабермас закрыл себе путь к пониманию реальной коммуникации, когда, строя теорию коммуникативной рациональности и этики дискурса, делит заявления сторон дискурса на «успешные» и «искаженные». Успешная риторика, не подкреплённая рациональными аргументами, как раз и связана с искажением, - факт, не раз встречавшийся в Альборгском проекте. Заявление Г. Гарфинкеля и других этнометодологов, что рациональность конкретного действия есть продукт «действия» участников в ходе их деятельности, подтвержден в Альборге. Кроме того, мы увидели, что если властные участники дискурса требуют рационализации, а не рациональности, такую рационализацию им представляют. Рационализация (как процесс определения рационального) – постоянная черта Альборгского проекта, использовавшаяся всеми ключевыми акторами.

3. Рационализация, представленная как рациональность, - основная стратегия исполнения власти.

Так же, как политическая наука, следуя Макиавелли и Людвигу фон Рохау, различает формальную политику и реальную политику (*Realpolitik*), данные по Альборгу указывают на необходимость изучать политику, управление, планирование и современность (*modernity*), различая формальную рациональность и рациональность реальную. Свобода использования «рациональности» и «рационализации» в интересах власти - критически важный элемент обеспечения для власти возможности определять реальность и сущностная черта рациональности власти.

Отношения между рациональностью и рационализацией часто можно описать терминами Э. Гофмана – передний план, задний план. Часто Преобладает рациональность «переднего плана» - рационализация,

представленная в виде рациональности. Передний план открыт публике, но это не вся, и, как правило, даже не самая важная часть. Задний план, скрытый от взглядов людей, есть власть и доминирующая рациональность. Рационализированный передний план не обязательно означает нечестность. Нередко индивиды, организации и целые общества действительно верят в свои рационализации. Ницше фактически утверждал, что такой самообман - часть воли к власти, что рационализация необходима для выживания.

И хотя рационализация - основа стратегии рациональности власти, и хотя некоторые важнейшие события в Альборгском проекте оказались под сильным влиянием рационализации, эта часть данного кейс-стади показала, что свобода рационализации не универсальна, не неизбежна и не неограниченна. Нельзя свести все политические и управленческие действия к рационализации. Есть разные степени рационализации. Рационализации можно подвергнуть сомнению – и рационально и путем рационализаций.

Хотя вызов рационализациям возможен, в Альборгском проекте такое случалось редко. «Неприкасаемость» рационализаций, может быть, производна от факта, что часто рационализации трудно идентифицировать и понять. Их выдают за как рациональность, и, как это показало наше исследование, лишь путем деконструкции якобы рационального аргумента удастся раскрыть, рационализация ли это. В других случаях актерам могут не позволить разбирать рационализации, так как за ними стоит столь много власти, что критика и разъяснение оказываются напрасными. Последний аргумент актеров против деконструкции рационализации таков: этот путь опасен; попытки деконструкции и критики могут привести к конфронтации, дестабилизации процесса принятия решений, к негативным санкциям против актеров, доказывающих, что рациональность- это рационализация.

4. *Больше власти - меньше рациональности.* Кант говорил: «Обладание властью неизбежно вредит свободному использованию разума» [5]. Альборгский кейс позволяет углубить Канта: обладание большей властью больше вредит разуму.

Одна из привилегий власти (и составная часть ее рациональности) - возможность определять реальность. Чем больше власти, тем больше свободы в этом плане и меньше необходимости для власти понимать, как «реально» построена реальность. Отсутствие рациональных аргументов и фактических данных в пользу определенных действий может быть более важным показателем власти, чем представленные аргументы и факты. Власти известно то, что Ницше назвал «доктриной Гамлета»: часто «знание убивает действие; действию нужно покрывать иллюзии» [6]. Нежелание какой-либо стороны представлять рациональные аргументы или документы может просто означать ее свободу действовать и определять реальность.

В демократическом обществе рациональные аргументы - одна из форм власти, которой безвластные еще обладают. Это объясняет огромную притягательность Просвещения для тех, кто вне власти. Макиавелли, однако, мало полагался на рациональное убеждение. «Нам надо различать, - писал он в «Государе», - ... тех, кто добивается своей цели силой, и тех, кто вынужден пользоваться убеждением. Во втором случае всегда попадают в беду» [7]. «Всегда», может быть, некоторое преувеличение, - многое изменилось со времен Макиавелли: Просвещение, модерн (modernity). Но в Альборгском случае мы столкнулись с до-модерном и с пред-демократией.

Ницше интересно излагает положение «чем больше власти, тем меньше рациональности», прямо связывая власть с глупостью: «Приход к власти – дорого стоит, - писал он, - власть *делает глупым*» (курсив оригинала) [8], и добавляет: «политика уничтожает все серьезные занятия действительно интересными вещами». Критикуя Дарвина, он далее отметил, что для людей результатом борьбы за существование - противоположность «желаемому» дарвинизмом, так как «Дарвин забыл ум», а «обладающий силой лишает себя разума» [9]. Ницше называл маргинализацию разума и интеллекта властью главной проблемой германского рейха. Исходя из этого, он предсказал – справедливо, как мы знаем, - падение рейха [10]. Мэр Альборга тоже болел: власть маргинализовала его разум, - что в итоге стоило ему

политической жизни. Воля к власти – это воля к жизни, но она вполне может привести к саморазрушению.

В целом, мы увидели в Альборге не только и не в первую очередь общую «волю к знанию», но и «гораздо более мощную волю: волю к незнанию, к неопределенности, ошибкам! Не как противопоставление воле к знанию, а как ее уточнение» [11]. Власть, говоря совсем просто, часто считает невежество, обман, самообман, рационализации и ложь более полезными для своих целей, чем истину и рациональность. Но Ницше ошибся, говоря: «У кого больше всего причин лгать, уходя от реальности? Только у того, кто от нее страдает. Но страдать от реальности – значит быть частью реальности, ставшей несчастьем» [12]. Ницше ошибся, говоря «только у того». В Альборге мы встретили другие группы, у которых были причины лгать и рационализировать, группы, не страдавшие от реальности. Это группы, выигрывавшие от распространения известных неточностей, рационализаций, лжи о реальности, использовавшие политику для создания желаемой ими реальности. Когда речь заходит о политике, даже Платон – последовательный защитник рациональности – рекомендовал «благородную ложь», то есть, ложь, которую надо говорить гражданам его образцового государства, чтобы поддержать его моральный и политический строй [13].

5. Стабильные властные отношения более типичны для политики, управления и планирования, чем антагонистические конфронтация. М. Фуко называет отношения власти динамичными и обоюдными: стабильные властные отношения в любое время могут превратиться в антагонистические конфронтации и наоборот. Данные по Альборгу подтвердили наблюдения Фуко, но их тоже следует модифицировать, заметив, что обоюдность между стабильными властными отношениями и антагонистическими конфронтациями – асимметрична: стабильность власти много типичнее, чем антагонистические конфронтации, так же, как мир много типичнее войн в обществе модерна. Обычно антагонистических конфронтаций активно избегают. Но когда они случаются, их быстро преобразуют в стабильные

отношения. В результате, проблемы, формирующие политику, управление и планирование, отличаются большей стабильностью властных отношений, чем антагонистическими конфронтациями.

Поскольку конфронтации заметнее стабильных властных отношений, конфронтации чаще становятся объектом исследований, предметом публичных дебатов, выступлений печати. Концентрируясь на более заметных аспектах власти, в результате мы, однако, получаем неполную и предвзятую картину властных отношений.

6. Властные отношения постоянно производятся и воспроизводятся. Даже самые стабильные властные отношения с многовековыми историческими корнями не постоянны по форме и содержанию. Они постоянно меняются. Им нужны постоянный ремонт, уход, воспроизводство. В Альборге бизнес-сообщество это осознало намного лучше – а также существенно более профессионально и последовательно, - чем политики, управленцы, плановики. Десятилетия и столетия тщательного взращивания, ремонта и воспроизводства властных отношений позволили бизнесу создать себе полу-институционализированную позицию с большими возможностями влиять на управленческую рациональность, чем в демократически избранные органы власти.

7. Исторические корни рациональности власти глубже, чем корни власти рациональности. С исторической точки зрения (Ф. Бродель и Школа «Анналов» говорили о *longue durée* - большой протяженности) идеи демократии, рациональности и нейтральности, столь важные для институций модерна, молоды и хрупки по сравнению с традициями классов и привилегий. В Альборге последние благодаря вековым рутинным практикам столь упрочились, что стали частью модерна. Политика, управление и планирование в Альборге отмечены в той же мере до-модерновыми отношениями власти, как и рациональностью модерна, трайбализмом - так же, как демократией. И это вопреки тому, что сама суть модерна нацелена на то, чтобы устранить, приглушить влияние традиций, племен, классов,

привилегий, хотя модернизации уже более двух столетий. Одно из последствий положения дел – то, что по стандартам модерна называют злоупотреблением властью.

Институты и идеи модерна, - демократия и рациональность, в значительной мере остаются идеалом, надеждой. Такие идеалы не реализуются раз и навсегда. Нужно всякий раз напоминать, что ярлык "демократическое" правительство - пропагандистский прием, вводящий в заблуждение [14]. Мы, может быть, и хотим, чтобы демократический элемент власти рос, но все же это лишь один ее элемент. Усилия по воплощению в жизнь демократии – постоянная, бесконечная задача, конфликт с традициями. К тому же, новшества модерна рожают новые традиции. В этом смысле модерн и демократия не «освобождают человека в его собственном бытии»; они не освобождают индивидов от управления, - говорил Фуко. Модерн и демократия подрывают религию и традиции, вынуждают человека «решать задачу производства самого себя», практиковать управление, которое не мешает, а, напротив, содействует, «неопределенной!» – и никогда не заканчивающейся – работе по освобождению» [15].

8. В открытой конфронтации рациональность всегда отступает перед властью. Фуко писал, что знание-сила и знание-рациональность как и властные отношения существуют везде. Наше исследование это подтвердило, но уточнило: там, где властные отношения приняли форму открытой антагонистической конфронтации, отношения - власть-к-власти доминируют над знанием-силой и отношением рациональность-власть. То есть, в этих случаях знание и рациональность совсем или почти ничего не значат. По поговорке: «истина – первая жертва войны».

При открытой конфронтации действия диктует то, что в конкретной ситуации ведет наиболее эффективно к поражению противника. При такой конфронтации использование голой силы эффективнее апелляции к

объективности, фактам, к знанию, рациональности. Хотя лицемерные версии последней (рационализации) могут использоваться для легитимации силы.

Мысль, что рациональность уступает власти в открытой конфронтации, можно считать крайним случаем моего положения 4: «больше власти - меньше рациональности». Рациональность полностью или почти полностью уступает силе в открытой антагонистической конфронтации, так как именно здесь голую силу проще всего пустить в ход.

9. Отношения рациональность-властные отношения более характерны для стабильных властных отношений, чем для конфронтаций.

Интеракции имеют тенденцию стабилизировать властные отношения и часто даже учреждать их. Такой процесс стабилизации можно объяснить тем, что решения, принятые в рамках отношений рациональность-власть, могут быть сформированы рационально, придавая большую легитимацию и большую степень консенсуса, чем «решения», основанные на голой конфронтации власть-власть.

Стабильные властные отношения, однако, не обязательно будут *равновесными* властными отношениями, понимаемыми как отношения, в которых стороны действуют на равных условиях. Иными словами, стабильность не означает справедливости. Стабильные властные отношения также не означают «ненасильственной коммуникации» или «коммуникативной рациональности», о чем пишет Хабермас. Стабильные властные отношения могут повлечь за собой не более чем рабочий консенсус с неравными отношениями, с доминированием, что может исказить производство и использование рациональных или квази-рациональных аргументов. Но все же там, где заметную роль играют рациональные соображения, это, как правило, имеет место в контексте стабильных властных отношений.

10. Власть рациональности коренится в стабильных властных отношениях, а не в конфронтации. Конфронтация это часть рациональности власти, но не власть рациональности. Из-за того, что рациональность

уступает власти в открытых антагонистических конфронтациях, власть рациональности (то есть, сила разума) здесь слаба или отсутствует. Сила разума достигает максимума эффекта при стабильных властных отношениях, сопровождаемых переговорами и поиском консенсуса. Поэтому власть рациональности можно поддержать лишь постольку, поскольку властные отношения неантагонистичны и стабильны.

Специальные группы интересов обладают заметно большей свободой использования всех преимуществ полного багажа инструментов голой силы, чем демократически избранные правительства. Демократическое правительство современной западной разновидности формально и по закону основано на рациональных аргументах. Его действия удерживаются рамками стабильных властных отношений даже в отношении антагонистических групп интересов, если эти группы не нарушают закон и не используют вооруженную силу. Такая разница образа действий правительств и групп интересов создает неравное отношение между рациональностью правительств и частной властью, а также между формальной политикой и *Realpolitik* (реальная политика – *нем.*) так, что положение рациональности и формальной политики правительств в итоге оказываются более слабым. Неравенство между рациональностью и властью можно считать общей слабостью демократии в борьбе за краткосрочные конкретные проблемы и результаты. Эта слабость, однако, не преодолевается использованием инструментов силы. Способность современной демократии ограничить использование голой силы можно в целом считать ее силой.

Факт, что власть рациональности возникает в основном в отсутствие конфронтации. Сила вынуждает рациональность выступать как относительно слабый феномен. Власть рациональности слаба. Если мы хотим, чтобы значимость равных аргументов усиливалась в локальном, национальном и интернациональном сообществах, нужно обеспечивать эту рациональность. Здесь результат связан с долгосрочной стратегией и тактикой, которые бы ограничивали пространство использования голой силы и *Realpolitik*'и в

социальных и политических делах. Рациональность, знание и истина тесно связаны. «Проблема истины, - говорил Фуко, - наиболее общая из политических проблем» [16]. Задача говорить правду по Фуко «бесконечна». Он добавляет, что «никакая власть не может уйти от обязательств уважать эту задачу во всей ее сложности, если она не навязывает молчание и угодливость» [17]. В этом сила рациональности.

Вызов для демократии. Суммирую: поскольку власть производит рациональность, а рациональность производит власть, их отношения асимметричны. Власть явно обнаруживает тенденцию доминировать над рациональностью в их обоюдном динамичном и перекрывающемся соотношении. Перефразируя Паскаля, можно сказать, что у власти есть рациональность, о которой рациональность не знает. Рациональность, со своей стороны, не имеет власти, о которой бы власть не знала.

Современность (modernity) опирается на рациональность как основу обеспечения функциональной демократии. Но если взаимоотношения рациональности и власти даже отдаленно напоминают асимметричное отношение, изложенное выше, - о чем нам говорят пример Альборга и традиция Фукидида, Макиавелли и Ницше, - тогда рациональность столь слабая форма власти, что демократия, построенная на рациональности, тоже будет слабой. Асимметрия рациональности и власти, описанная десятью положениями, говорит о фундаментальной слабости модерна и связанных с этим политики, управления, планирования. Акцент на нормативной рациональности оставляет проект модерна в неведении относительно функционирования власти и поэтому открытым к пребыванию под господством власти. Поэтому полагаться только на рациональность, значит рисковать, обостряя те самые проблемы, которые пытается решать модерн. С учетом проблем и рисков нашего времени: экологических, социальных, демографических – глобальных и локальных, - я полагаю, что следует подумать, можем ли мы позволить и сохранять эту базовую слабость модерна. Первый шаг к выходу за пределы слабости модерна, - это понять

власть, А когда мы власть поймем, увидим, что нельзя полагаться лишь на демократию, основанную на рациональности, для решения наших проблем.

Рассмотрим вопрос конкретно. Стратегия сторонников модерна в развитии демократии - написание конституций и реформы институтов как основные средства действия в теории и на практике, опираясь на рациональность, - против власти [18]. Хотя написание конституций и реформы институтов часто могут быть жизненно важными для развития демократии, мысль, что такие реформы изменяют практику – гипотеза, но не аксиома. Проблема многих сторонников институциональных реформ в том, что они путают гипотезы с аксиомами, считая данным раз и навсегда то, что следует подвергнуть эмпирической и исторической проверке. Альборг показал, что такая проверка – даже полиции, по букве стража закона, - не хочет следовать конституционным принципам, - на что опираются институционалисты в развитии демократии. Не говоря уже о многих других акторах в Альборге. Они вновь и вновь в личных и групповых целях нарушали принципы демократичного поведения, которые им полагалось соблюдать как государственным служащим, политикам и гражданам одной из старейших демократий в мире. Фактически мы увидели, что политические акторы являются мастерами судить о том, как далеко можно недемократическим способами сгибать и использовать демократическую конституцию, или просто ее игнорировать. Данные показывают, что вопрос о том, как действующие конституции и связанные с ними институты можно использовать более демократично, часто бывает насущнее вопроса, как создать более демократические конституции и институты как таковые. Альборгское исследование полностью подтвердило замечание Роберта Патнэма, что «два века написания конституций во всем мире предупреждают нас..., что создатели новых институтов часто пишут по воде» [19].

Книга Патнэма о гражданских традициях современной Италии – один из немногих трудов о практике демократии, сочетающий микро подход с исторической перспективой длительной протяженности (*longue dureé*). Как и

Альборгское исследование, Патнэм с помощниками обнаружили, что социальный контекст и история глубоко обуславливают эффективность институций. Пре-модерные социальные практики, уходящие в глубину веков, резко суживают возможности реализации современных демократических реформ. Эти условия – проблема не только демократии в Италии и Дании. В большинстве обществ укоренились практики классовых привилегий, став частью социально-политического контекста и ограничивая возможности демократических перемен. Патнэм отмечал, что влияние глубоких исторических корней на возможности современных демократий – это «угнетающая находка» для тех, кто считают в переделке конституций и институтов реформы главным направлением политических изменений [20]. Тем не менее, таковы сегодня факты. Это не значит, конечно, что изменение формальных институтов не меняет политическую практику. Это значит, все же, что институциональные перемены как тип намного медленнее и нелинейно, чем часто полагают авторы-юристы и реформаторы институтов.

Но смотреть на демократию во временной перспективе длительной протяженности (*longue dureé*) – не только неприятно для тех, кто жаждет немедленных перемен. Ибо лишь при использовании этого временного видения мы начинаем понимать, что нужно, чтобы демократия заработала на практике. Именно при этом подходе мы видим, что люди, борющиеся за демократию, - это часть многовековой и удивительно успешной практической традиции, которая нацелена на большее участие, большую прозрачность, большую гражданскую взаимность в принятии социальных решений. Тот факт, что прогресс, в общем, был при этих традициях медленным, ни коим образом не делает прогресс менее значимым. Напротив. Традиция показывает нам, что формы участия – практические, острые и, если нужно, конфликтные, - образуют лучшую парадигму демократических добродетелей (*virtues*), чем формы участия, которые дискурсивны, отстранены и связаны консенсусом, - то есть, рациональны. Чтобы позволить демократической мысли и общественной сфере внести реальный вклад в

демократическое действие, нужно вновь связать их именно с тем, что они не приемлют в большинстве современных теорий демократии: власть, конфликт, пристрастность, как в Альборгском исследовании [21].

В *longue dureé* мы видим, что на практике прогресс демократии достижим преимущественно не конституционными и институционными реформами, но более прямым, часто жестким противостоянием с механизмами власти и практиками классовых привилегий. Хотите участвовать в политике, но возможности для этого ограничены, тогда объединяйтесь с одинаково мыслящими людьми и боритесь за то, чего хотите. Используйте средства, действенные в вашем контексте, чтобы подорвать позиции тех, кто пытается ограничить участие. Если вы хотите знать, что происходит в политической сфере, но находите мало прозрачности, делайте то же. Если вы хотите большей гражданской взаимности в политических делах, боритесь за то, чтобы гражданские добродетели хвалили, а обратное стало бы нежелательным. Временами прямая борьба за власть по конкретным вопросам срабатывает. В других случаях необходимо менять основные правила борьбы, тогда возникает вопрос о реформе конституций и институтов. Но иногда раскрытие генеалогии и кейс-стади, подобные Альборгу, раскрытие соотношения рациональности и власти помогает достигнуть желаемых результатов. Чаще сочетают три подхода, к которым добавляются выгодно складывающиеся обстоятельства и просто удача. Такова демократия на практике. Она проста и сложна.

Вернусь последний раз к предупреждению Макиавелли об опасности нормативизма: «Человек, который забывает, что делается действительно, и видит лишь то, что следовало бы делать, ищет путь саморазрушения» [22]. В фокусе модерна и демократии модерна всегда находилось «что следовало бы делать», нормативная рациональность. Я предлагаю переориентацию на первую часть формулы Макиавелли - «что делается действительно», на реальную истину (*verita effettuale*). Нужно переосмыслить, переделать

проекты модерна и демократии, политики модерна, управления, планирования не только в плане рациональности, но и рациональности и власти, *Realrationalität* (реальной рациональности); не считать модерн и демократию рациональными средствами сдерживания власти, а видеть в них практические попытки регулировать власть и доминирование. Когда мы это сделаем, мы лучше поймем то, что такое модерн и демократия на практике и что нужно, чтобы изменять их к лучшему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Taylor C. Interpretation and the Sciences of Man // Rabinow.P., Sullivan M., eds. Interpretive Social Science: A Second Look. Berkeley, 1987. P. 72.*
2. Р. Даль и большинство исследователей власти, будь они плюралисты, элитисты, или марксисты, начинают с постановки веберовского вопроса «Кто управляет?» [здесь]. Я ставлю вопрос так: “Какие ‘управленческие’ рациональности действуют, когда те, кто управляют, действительно управляют?”. Это не значит, что я избегаю веберовского вопроса... Судьба Альборгского проекта решалась маленьким элитным кругом политиков, высокопоставленных чиновников и руководителей бизнеса. Исследование вскрыло неформальный тайный бизнес-управленческий «совет», в котором по альборгскому проекту – и по другим проектам и планам, интересовавшим бизнес-сообщество – обсуждались и принимались корпоративные решения, прежде чем кто-либо мог что-то по этим решениям сказать. Интересы бизнеса также обрели особый вес в Альборгском проекте благодаря мощно координируемой поддержке местной прессы и полиции. Это не значит, что все решения были в пользу бизнес-сообщества. Тем не менее, тенденция всей системы принятия решений, составивших Альборгский проект, - от генезиса, планирования и утверждения до исполнения и проведения в жизнь – указывает на явно неоспоримое предпочтение интересов бизнеса вследствие инициатив бизнес-сообщества. Демократически избранные органы власти: совет города, магистрат, политические комитеты, - оказались маловлиятельными. Они лишь утверждали решения, уже принятые кем-то. Другие группы сообщества – кроме бизнеса – не влияли на исход дела, как и население в целом. В итоге по меркам демократии и в терминах конвенциональной теории власти решения по Альборгскому проекту готовились слишком малым числом не тех лиц, которые должны были бы

это делать. В свете этих фактов, кейс Альборга можно рассматривать как опровержение плюралистских теорий власти типа отстаиваемых Далем и другими и подтверждающими теории элитистской и корпоративистской ориентации, - теории Ч. Райта Миллза, Флойда Хантера, Николаса Пуланцаса (*Dahl R.A. Who Governs?: Democracy and Power in an American City. New Haven, 1961. См. также размышления Даля на эту же тему: Rethinking Who Governs? // Waste R., ed. Community Power: Directions for Future Research. Beverly Hills, 1986; Mills C.W. The Power Elite. Oxford, 1956; Hunter F. Community Power Structure. Chapel Hill, 1953; Hunter F. Community Power Succession: Atlanta's Policy Makers Revisited. Chapel Hill, 1980; См. также: Domhoff G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. Santa Monica, Calif., 1978; Poulantzas N. Political Power and Social Classes; Poulantzas N. State, Power, Socialism. London, 1979*). Вопрос; «Кто управляет?» также освещался в других исследованиях, многие из которых дали те же выводы. Это одна из причин, почему здесь, вместо концентрации на вопросе «кто» и «где» власти, мы сосредоточились на более динамичном вопросе «как» власть действует и на отношениях между рациональностью и властью. Эти вопросы ранее изучались и анализировались много реже, чем «Кто управляет?».

3. *Nietzsche F. The Will to Power. NY. 1968. P. 342 (§ 643); Nietzsche F. On the Genealogy of Morals. N.Y., 1969. P. 77 (§ 2.12).*
4. *Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures. Cambridge, Mass., 1987. Pp. 297-298.* Хабермас считает поиск консенсуса и свободу от доминирования универсально присущими силам коммуникации людей и подчеркивает именно эти аспекты в своей этике дискурса. Другие крупные социальные мыслители обнаруживают тенденцию акцентировать прямо противоположное. Так, Макиавелли, которого исследователи политики без колебаний называют «самым ценным гуманистом» и «определенно современным (modern)», и кто, как и

Хабермас, озабочен «делом хорошего управления», утверждал: «Можно сделать такое обобщение о людях: они неблагодарны, ненадежны, лживы и неверны» (*Crick B. "Preface" and "Introduction" to: Machiavelli N. The Discourses. Harmondsworth, 1983. Pp. 12, 13; Machiavelli N. The Prince. Harmondsworth, 1984. P. 96, ch. 17*). Менее радикальны, но все же явно противоречат Хабермасу, замечания Ницше, Фуко, Деррида и др., что коммуникация во все времена уже пронизана властью. «Правильна» ли коммуникативная или верна риторическая позиция – не самый важный исходный пункт в понимании рациональности и власти, хотя Альборг явно подтверждает последнее. Но решающим является то, что неидеалистический отправной пункт должен учитывать факт, что в реальной коммуникации возможны обе позиции, и даже возможны одновременно. В научно-эмпирическом контексте вопрос: коммуникативная рациональность или риторика, - должен потому оставаться открытым для проверки. Занимать заведомо ту или иную позицию, основываясь на «скачке веры» Кьеркегора, абсолютизировать ее и строить на ней теорию - означает спекулятивную философию и социальную теорию. Не отправляя в ту же лигу, что и марксизм, этику дискурса Хабермаса, можно сказать, что проблема этики дискурса схожа с некоторыми формами марксизма в том смысле, что когда доходит дело до организации лучшего общества, и Маркс, и Хабермас не учитывают необходимость преодоления человеческого зла. Оба полагают, что в людях преобладает доброе. В результате эта посылка создает тенденцию превращать оба течения мысли в догму. И это же делает их потенциально опасными. История учит, что допущение отсутствия зла расчищает место господству зла. Ницше точно подметил о таком «образе мысли», что он «советует стать на сторону добра, он желает, чтобы добро отвергло зло и выступило против него – до корней – и тем самым фактически отрицает жизнь, которая во всех своих проявлениях содержит и Да и Нет». «Вероятно, - писал Ницше, - никогда прежде не было более опасной

- идеологии, чем воля к добру» («Воля к власти», § 351). Альборг свидетельствует правоту Фуко, когда, комментируя Хабермаса, он отмечает, что проблема не в попытке растворить властные отношения в «утопии совершенно прозрачной коммуникации», в выработке правил закона, техники управления, и также этики, которая «позволила бы проводить эти властные игры с минимумом господства» (*Foucault M. The Ethic of Care for the Self as a Practice of Freedom // Bernauer J., Rasmussen D., eds. The Final Foucault. Cambridge, Mass., 1988. P. 18*). Подробнее см.: *Fljivberg B. Empowering Civil Society: Habermas, Foucault, and the Question of Conflict, paper for the symposium in Celebration of John Friedmann, School of Public Policy and Social research, Univ. of California, Los Angeles. April 11-13, 1996.*
5. Цит. по: *Ash T.C. Prague: Intellectuals and Politicians // New York Review of Books. 1995. V. 42. No. 1. P. 39.*
  6. *Nietzsche F. The Birth of Tragedy. N.Y., 1967. P. 60, § 7.*
  7. *Machiavelli N. The Prince. Pp. 51-52, ch. 6.*
  8. *Nietzsche F. Twilight of the Idols. Harmondsworth, 1968. P. 60, § 1.*
  9. *Ibid. P. 76, § 14.*
  10. *Ibid.*
  11. *Nietzsche F. Beyond Good and Evil. N.Y., 1966. P. 35, § 24.*
  12. *Nietzsche F. The Antichrist // Kaufmann W., ed. The Portable Nietzsche. N.Y., 1968. P. 582, § 15.*
  13. «Правители нашей общности: они могут лгать во благо нашей общности» – *Plato. Republic. Oxford, 1993. P. 83 (кн. 3, сек. 389).*
  14. *Crick B. Introduction // Machiavelli N. The Discourses. Harmondsworth, 1983. P.27.*
  15. *Foucault M. What is Enlightenment // Rabinow P., ed. The Foucault Reader. N.Y., 1984. Pp. 42, 46.*
  16. *Foucault M. Questions of Method: An Interview // I&G. 1981. No.8. P. 11.*
  17. *Foucault M. The Regard for Truth // Art and Text. 1984. No.16. P. 31.*

18. Известен пример надежды на написание конституций и институциональные реформы – вера Хабермаса в «конституционный патриотизм» как главное средство обеспечения укоренения в обществе демократических принципов этики дискурса. См.: *Habermas J. Justification and Application: Remarks on Discourse Ethics. Cambridge, Mass., 1993; Burdens of the Double Past // Dissent. V. 41. No. 4; Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse on Law and Democracy. Cambridge, 1996.* Анализ «Конституционного патриотизма» Хабермаса см.: *Fljivberg B. Empowering Civil Society.*
19. *Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993. P. 17.*
20. *Ibid. P. 183.*
21. Подробнее по этому вопросу см.: *Fljivberg B. Empowering Civil Society; а также: Spinosa C., Dreyfus H. Disclosing New Worlds: Entrepreneurship, Democratic Action, and the Cultivation of solidarity // Inquiry. June 1956. V. 38. No. 1-2.*
22. *Machiavelli N. The Prince. P. 91, ch. 15.*

Перевод Н.В. Романовского